

С. М. ЛУКЬЯНОВ

<Вл. С. Соловьев на службе в ученом комитете Министерства народного просвещения>

<...> С первой же бумаги, включенной в рассматриваемое дело¹, начинается борьба департаментской канцелярии с Соловьевым из-за различных формальностей. Разумеется, канцелярия не придирается к нему, а только совершенно правильно требует соблюдения установленных в законе порядков. Соловьев, в свою очередь, оказывается неисправным перед этими порядками не по злой воле и не по умышленному упрямству, а просто в силу беззаботности, неосведомленности или нежелания толком справиться, как следовало бы поступить в том или другом частном случае. То он не прилагает гербовых марок, то не по адресу обращается со своими прошениями, то уезжает, не дождавшись отпуска, и т. п. По правде сказать, ко всем его оплошностям, досадным во взрослом человеке, канцелярские власти относились благодушно и терпеливо, утешаясь, может быть, надеждою, что с течением времени Соловьев и сам станет навывать в канцелярской точности. Но даже под самый конец службы в ученом комитете он все-таки не достиг полного совершенства по этой части; об этом свидетельствует тот факт, что он не управился безупречным образом даже с текстом своего прошения об увольнении от службы. Канцелярское делопроизводство недоумевало, чего он, собственно, желает: увольнения ли от членства в ученом комитете или же увольнения и от причисленности к Министерству народного просвещения! И действительно, в надписании прошения, приведенного sub 26), Соловьев именуется «причисленным к министерству коллежским советником», и только, а в подписи — «причисленным к Министерству народного просвещения членом ученого комитета, коллежским советником». Правдоподобно, что сам Соловьев не особенно различал в себе эти два естества: ведь, в сущности, ему было мало дела и до одного,

и до другого. А между тем — при желании сохранить служебные зацепки для будущего — причисленность к ведомству могла бы оказаться небесполезной. Как бы то ни было, житейская неумелость Соловьева должна была создавать ему немало лишних хлопот.

<...> Как и всякий другой чиновник, выходящий в отставку, Соловьев был снабжен на прощание «аттестатом», который мог быть составлен лишь после «приказа» министра от 7-го декабря 1881 г. <...> Поражает зато один курьезный пропуск: в аттестате, помеченном, как уже сказано, 31-м января 1882 г., не заключается ни малейшего следа о получении Соловьевым ученой степени доктора философии, хотя докторский диспут его состоялся, вполне благополучно, еще весною 1880 г. Объясняется это, конечно, не тем, что департамент народного просвещения отказался признать за Соловьевым право на степень доктора, а просто тем, что Соловьев, по своей всегдашней беззаботности насчет формальностей, не позаботился своевременно о снабжении департамента необходимыми документальными данными о своем докторстве. Правдоподобно, что даже при получении аттестата он не удосужился просмотреть его, чтобы убедиться в полной правильности текста. Такое упущение могло бы — *unter Umständen*² — причинить Соловьеву хлопоты в будущем, но, поскольку дело касается его личной судьбы, он ведь и вообще далеко вперед не заглядывал. Не учитывал он и того, что аттестат заменяет «вид на прожитие», без которого в благоустроенном государстве обойтись нельзя... <...>

...За все пятилетие 1887—1881 гг. можно насчитать 173 заседания, в которых он [Соловьев] имел бы право участвовать. В действительности Соловьев присутствовал лично только в 44 или 45 заседаниях. Другими словами, он пропустил около трех четвертей всех заседаний. Подсчет этот, достаточно выразительный сам по себе, представится еще более выразительным, если принять в соображение, что из всего срока службы Соловьева в качестве члена ученого комитета отпусками была поглощена одна четвертая часть времени. Таким образом, неприсутствие в заседаниях одними отпусками не объясняется.

Присутствуя в заседаниях, Соловьев принимал, конечно, участие в различных голосованиях; по всем вероятностям, он в известных случаях высказывал и те или другие изустные суждения по существу рассматриваемых дел. К сожалению, обо всем этом в журналах ученого комитета не сохранилось определенных следов. Что же касается письменных докладов Соловьева, то за все время его службы в ученом комитете таковых насчитывается 19,

а именно: 12 мнений о книгах, 6 мнений об отчетах командированных за границу молодых ученых и 1 мнение об уставе философского общества. <...> Ни один из этих докладов не встретил, по-видимому, существенных возражений со стороны сотоварищей Соловьева, и все его заключения обращались тем самым в заключение целой коллегии. Отсюда следует, между прочим, что в среде ученого комитета вскоре же сложилось доброжелательное и доверчивое отношение к его отзывам и что если в конце концов он покинул это учреждение, то отнюдь не вследствие каких-либо внутренних трений или размолвок с его персоналом. <...> Однако, присматриваясь ближе к деятельности Соловьева в составе ученого комитета, нельзя не прийти и к тому выводу, что в общем эта деятельность должна была представляться ему слишком узкой и малозначительной. Книги, которые ему приходилось рассматривать, давали повод к замечаниям либо совершенно общим, либо прямо-таки ироническим; такой же скудный материал для оценки представляли и другие дела, подлежащие его рассмотрению. <...>

Содержание общих глав, посвященных обозрению архивных сведений, касающихся службы Соловьева в ведомственном центре народного просвещения, не оставляет сомнения в том, что не тут был подлинный центр его духовных интересов. Уже 4-го апреля 1877 г., в письме к граф. С. А. Толстой, урожденной Бахметьевой, он отзывался о своей новой службе так: «...оказывается, моя должность вовсе не синекура, — это ничего — *un métier comme un autre*³, лишь бы *die göttliche Sophia*⁴ оставалась в стороне»⁵. А немного позднее, 12-го апреля того же года, он писал кн. Д. Н. Цертелеву еще откровеннее: «Я уже начал свою службу в ученом комитете. Заседания — скука смертная и глупость неисчерпаемая; хорошо еще, что не часто. В библиотеке занимаюсь только *son amour*⁶»⁷. Очевидно, служба, о которой идет речь, была для Соловьева побочным делом. Она обеспечивала его кое-какими средствами к существованию, и это было, кажется, наиболее существенным оправданием избранного им «ремесла» (*un métier comme un autre*); ничего большего он от нее и не искал. <...>

